

В конце октября в наших местах темнеет рано, так что пора было подумать о ночлеге. Калиныч огляделся по сторонам и приуныл. Впереди, насколько хватало глаз, вдоль дороги тянулся хмурый осенний лес и не было видно никаких признаков человеческого жилья. И вообще ни души кругом, только маленькая собачонка бежала следом за ним на безопасном расстоянии. Она увязалась за Калинычем в последней деревне — в той самой, где они разошлись с Кофейником.

Калиныч не раз уже пожалел, что поддался на уговоры Кофейника и отправился на промысел в область.

До сих пор он бомжевал в городе и горя не знал: там всегда можно найти какую-нито еду, а то и выпивку, а самое главное — в городе не было проблем с ночлегом, на каждом шагу попадались теплые подвалы. Но Кофейник расписал ему, как много в пригороде пустующих дач, куда ничего не стоит забраться и где можно разжиться и едой, и даже кое-какими теплыми вещами...

Ничего из этого не вышло, отовсюду их гнали, в одной деревне чуть не убили таджики-гастарбайтеры, в другой едва не разорвали собаки. Они понемногу забирались все дальше от города, но здесь было еще хуже, люди злее, а собаки и вовсе звери.

В довершение ко всему они переругались с Кофейником. Калиныч решил возвращаться в город и пошел к станции, да, видно, выбрал не ту дорогу.

Дорога сделала крутой поворот.

Лес кончился, слева открылось унылое поле, на котором тут и там валялись пустые ящики, справа, на пологом холме, виднелся одинокий дом. Дом был большой и какой-то странный, как будто нежилой — то ли недостроенный, то ли, наоборот, начавший разрушаться. В нем было три этажа, но все как бы от разных домов, по чьей-то прихоти прилаженные друг к другу: первый этаж — из массивных серых камней, второй — из красного кирпича, третий — деревянный, с выступающими темными балками. Ни одно окно в этом доме не светилось, и вообще от него словно исходило тоскливое и мрачное чувство заброшенности и безысходности.

Но выбора не было: уже начинало темнеть, и лучше переночевать в самом мрачном доме, чем под открытым небом.

Калиныч свернул на узкую тропку, которая взбежала на холм.

Собачонка, которая до сих пор преданно следовала за ним, остановилась на дороге и залаяла, будто хотела остановить человека. Калиныч оглянулся на шавку и призывно свистнул. Все же какая ни на есть живая душа. Но собака за ним не пошла, она села посреди дороги и завывала. От этого заунывного воя настроение Калиныча, и так отвратительное, еще больше испортилось.

— Не хочешь идти — черт с тобой, но на нервы не действуй! — Он поднял с земли камень, замахнулся.

Шавка вскочила, отбежала на несколько шагов и снова завывала.

Калиныч бросил камень наугад, не стараясь попасть, и побрел к дому. Ноги поднимались тяжело, словно на каждую налипло по пуду грязи.

Дом окружал дощатый забор, но доски были пригнаны плохо, и бомж без труда нашел дырку.

Калиныч оказался возле задней стены дома, и тут его ждала неожиданная удача: одно из подвальных окон было разбито. Окно было небольшое, но Калиныч от плохого питания и беспокойной жизни отощал и без труда пролез в это окошко.

В подвале было темно и холодно, пожалуй, даже холоднее, чем снаружи. Этот сырой холод пробирал до самых костей, проникал прямо в душу.

Но больше, чем темнота и холод, Калинычу не понравился запах.

Казалось бы, он, бомж со стажем, привык ко всяким запахам, но здесь, в этом подвале, пахло чем-то особенно неприятным.

Здесь пахло смертью.

— Кошка, что ли, сдохла... — пробормотал Калиныч, оглядываясь по сторонам.

Глаза его привыкли к темноте. Он разглядел сваленные в углу обломки мебели, лестницу в дальнем от него углу и какой-то большой ящик, перегородивший проход к этой лестнице.

Ящик был старый, из толстых темных досок, обитых железом, сбоку на нем висел большой замок.

Хозяйственный бомж подумал, что, коли уж этот ящик заперт на замок, значит, в нем хранится что-то стоящее. Он снова огляделся в поисках какого-нибудь подходящего инструмента. На полу, среди многолетней пыли и мусора, валялась ржавая железная загогулина. Не лом, конечно, но лучше, чем ничего...

Калиныч поддел замок, нажал...

Его железный инструмент погнулся, но замок остался цел.

— Ну, ничего... — пробормотал бомж, — я тебя растолкую...

Он нашел щелку между досками, вставил туда свой инструмент, снова поднажал.

Доска треснула, кусок отлетел в сторону.

Из темной дыры хлынуло густое, невыносимое зловоние. Калиныч отшатнулся, закашлялся, но потом любопытство взяло верх над брезгливостью, он потянулся к дыре, заглянул внутрь.

Ему показалось, что в ящике что-то шевелится.

Но этого, конечно, не могло быть.

Бомж пристально взгляделся в душную зловонную черноту — и вдруг увидел глаза. Белки глаз тускло отсвечивали в глубине ящика. Из темноты на Калиныча смотрел какой-то огромный зверь.

— Матерь божья! — пролепетал Калиныч дрожащим голосом. — Что это за хрень?

И тут страшная, неведомая сила схватила его за шею и втащила внутрь.

Он успел подумать, что это невозможно, что, как бы он ни отощал, но пролезть в такую маленькую дыру не может, сюда и ребенок-то не пролезет...

Больше он ничего не подумал.

Больше вообще ничего не было — наступила вечная, бездонная ночь.

Встречная машина мигнула фарами, предупреждая, что впереди за поворотом затаился гаишник. Лиза машинально притормозила. Ага, вот он, злодей, сидит в кустах! Смотрит сердито — прицепиться-то не к чему. А сам замерз весь, нос прямо синий. Се-

годня ветер колючий, ледяной, к вечеру едва ли не ураган обещали. Все-таки махнул ей рукой. Вот еще напасть! Она свернула к обочине.

— Старший сержант Стриж! — сказал он хрипло. — Попрошу права и документы на машину!

Лиза молча протянула ему то, что он требовал.

Он делал вид, что смотрит документы, а сам втихую разглядывал ее. Вблизи старший сержант оказался совсем молодым парнем. Все с ним ясно — просто человеку скучно на работе. А она при чем? Ей ехать надо! И так с этой погодой задержалась, приедет на час позже, Никита будет недоволен. Хотя какое он имеет право?

Вспомнив про Никиту, она пошевелилась и тяжело вздохнула.

— Что такая сердитая? — поинтересовался старший сержант. — Случилось что?

Заводит беседу, разговаривает задушевым тоном, прямо как отец родной! А сам взятку ждет!

Лиза не ответила на вопрос, демонстративно взглянув на часы. Не станет она вступать с ним в разговоры, она ничего не нарушала, пускай сам придумывает, в чем она виновата. А если всерьез привяжется, то и ладно, она вообще не поедет к Никите. Тем более что он ее, кажется, и не ждет, раз телефон не отвечает. Снова забыл зарядить мобильник, знает же, что она сегодня приедет, давно договорились!

— Ладно, не буду задерживать, — сказал сержант, — вижу, что торопитесь.

Лиза молча воззрилась на него в полном удивлении.

— Вот еще что, — продолжал он, — на девяностом километре авария большая, четыре машины

столкнулись. Езжайте лучше в обход, а то в пробке простоите долго.

— Спасибо, — Лиза благодарно улыбнулась, — мне раньше сворачивать, на Лиственное.

— Счастливо доехать! — он помахал рукой. — Осторожней только, ветер сильный!

«Попадаются и на дороге приятные люди», — подумала Лиза, улыбаясь. Она увидела себя со стороны — симпатичная молодая женщина в новеньком синем «Пежо». Одета хорошо, макияж, маникюр — все при ней. Только к чему это все? И улыбка сползла с ее лица.

Ветер крепчал — вон как мотаются сосны, растущие вдоль дороги. Да еще и дождь пошел, его косые струи ударились в лобовое стекло несчастного «Пежо». Лиза представила, как она будет долго ехать по проселку, разбрызгивая лужи, как с трудом загонит машину во двор, как пойдет по заросшей сорняками дорожке к дому, спотыкаясь и безуспешно пытаясь закрыться от ветра и дождя. И во что превратятся ее новые сапоги? И во что превратится она сама?

И какая награда ждет ее в том доме на холме? Да если честно, то никакой. Может быть, там ждет ее уютный огонь очага? Камин с расстеленной перед ним шкурой белого медведя (так и быть, можно синтетической)? Горячее вино с пряностями и доносящийся из кухни аромат жареного мяса и выпечки... И сильный мужчина, который встретит ее на пороге и на руках внесет в дом?

Ага, размечталась!

Ни тепла, ни заботы, ни тем более любви человек, который живет в том доме, предоставить ей и не подумает. Не захочет, а скорее всего просто не может.

Нет у него запасов любви и нежности, он никого не любит, даже себя.

Далее следовал неизбежный вопрос: за каким тогда чертом она едет к Никите сквозь ветер и дождь? Она задает себе этот вопрос уже почти месяц, с тех самых пор, как Никита поселился здесь. И только сегодня Лиза нашла в себе силы ответить на него честно: она это делает по глупости.

Сначала ей было Никиту жалко — он так одинок, его все бросили, она не может поступить как все, заколотить последний гвоздь в крышку его гроба. Она должна ему помочь, поддержать в трудную минуту, уговорить вернуться к нормальной жизни. У него тяжелый период, кто-то должен быть с ним рядом. Она поможет ему, вытащит его из депрессии, вдохнет в него живительную струю. И они начнут новую жизнь, в конце концов, ему еще нет сорока, а ей и вовсе двадцать девять лет, сейчас для женщины это не возраст.

После того как она побывала в этом доме, ее решимости заметно поубавилось.

Дом был большой и пустой, в нем давно никто не жил. А те, кто жил в нем раньше, не оставили после себя ничего, кроме небольшого количества старой мебели. Ни картинки на стенах, ни детского рисунка, ни отметин о росте на косяке старой разохшейся двери. Стоял дом на холме уединенно, соседей не было. Дорога была не слишком крутой, но совершенно запущенной, Лиза и прошлые разы с трудом добиралась до ворот, а нынче дорогу наверняка размыло.

Снова накатило раздражение. Для чего она все это делает? Для чего гробит свою новую машину, когда еще и кредит за нее не выплачен? Для чего от-

прашивается с работы, хотя начальник глядит косо и заставит потом отработать эти часы в двойном размере?

Но, в конце концов, это неважно. Машина — это всего лишь бездушная жестянка, как утверждал Никита, хотя ей казалось, что ее синенький «Пежо» — одушевленная личность, все понимает и даже умеет разговаривать: то тихонько сыто урчит, то шумит негромко, когда едут по ровной дороге, то возмущенно взрыкивает, когда Лиза заставляет его взбираться на скользкий холм, будь он неладен.

И все же это не главное. Главное — очень изменился сам Никита. Он стал удивительно желчным и неприятным в общении, хотя утверждал, что ему хорошо и спокойно в этом пустом доме в полном одиночестве, что наконец-то у него есть время подумать и, как он выражался, осмыслить свою жизнь.

Но она-то знала его очень хорошо, за то время, что они встречались — больше года все-таки, — она прекрасно его изучила. И теперь видела, что он растерян и совершенно деморализован. И понятия не имеет, что ему делать дальше. Но вместо того чтобы взять себя в руки и начать наконец искать выход из создавшегося положения, Никита обиделся на весь мир и ушел в себя. То есть он ведет себя как избалованный капризный ребенок, который руководствуется единственным правилом: «Назло маме отморожу уши!»

Капризный ребенок без малого сорока лет. Круто...

Он удалился в эту глушь, как король в изгнание. С той только разницей, что он был совсем не король. Однако упорно делал вид, что ему здесь хорошо.

И добавлял, что никто ему не нужен, он вполне способен справиться самостоятельно. Это уже было открытым хамством, потому что навещала его одна Лиза, и он мог бы найти для нее хоть несколько слов благодарности.

В первый раз ей стало его ужасно жалко. Он спал с лица, и если еще не опустился, то такое было не за горами.

Когда она приехала во второй раз, то констатировала изменения к худшему почти спокойно. Он заметно похудел, глаза ввалились, волосы отросли, и видно было, что брился он только сегодня, перед ее приездом. В кладовке она нашла кучу грязного белья, на кухне кисла в раковине грязная посуда.

В доме имелся отопительный котел, но он не работал — что-то там сломалось, что неудивительно, поскольку дом долгое время был нежилой. В доме стоял жуткий холод, существовать можно было только в комнате, где Никита устроил спальню. Там стояли старая скрипучая кровать с деревянной спинкой, изъеденной жучком, и платяной шкаф с треснутым зеркалом.

Воду приходилось вручную доставать из колодца во дворе, потому что насос тоже не работал. Электричество в доме, как ни странно, было. На ее робкое предложение починить насос или хотя бы поискать по окрестностям мастера, который смог бы это сделать, Никита ответил решительным отказом. Он ничего не хотел делать в чужом доме. Он вообще ничего не хотел делать.

Лиза с трудом отогнала от себя картину, как он валяется целыми днями в комнате, обогреваемой масляным радиатором, и шарит в Интернете. Этак можно и вовсе с катушек слететь.

Хоть он и утверждал, что ему ничего не нужно, тем не менее жадно съел всю еду, которую она привезла. Голод не тетка. Сам он питался консервами и черствым хлебом, который раз в неделю привозили в магазинчик в соседней деревне. Летом с продуктами было получше, но зимой деревни пустели, все жители перебирались в город.

Лизе все не нравилось в этом доме, он наводил на нее страх. С любовью тоже все вышло плохо. Так противно ложиться в эту старую кровать с мятыми несвежими простынями, ей было неудобно и скучно, ничего не хотелось. Никита же, казалось, ничего не замечал, он совсем не думал о ней.

Нужно было проститься еще в тот раз. Сказать, что она больше не сможет приезжать, с работы не отпускают, а выходные у нее заняты. И поскорее уехать.

А если по-умному, то следовало расстаться еще тогда, когда она узнала, что Никиту уволили с работы. Но ничто не предвещало крупных неприятностей. Ну, кризис, у всех проблемы, и все как-то их решают. Рано или поздно, с большим или меньшим успехом. И сначала она хотела дать ему время для того, чтобы прийти в себя.

А через две недели он огорошил ее известием: расстался с женой и уезжает за город, к друзьям.

Будь это в начале их романа, Лиза упала бы в обморок от счастья. Он наконец-то расстался с женой! Сам так решил, она, Лиза, несколько на него не давила. Но к тому времени она уже прекрасно знала, что сам Никита решать ничего не может. Точнее сказать, не хочет. Ему и так хорошо. Что ж, она с этим давно смирилась. В конце концов, у нее тоже

непреодолимые обстоятельства. Поэтому не нужно ничего менять.

Так они встречались от случая к случаю больше года. А потом вмешался кризис. Теперь волей-неволей приходилось что-то решать. И Никита выбрал путь наименьшего сопротивления, просто спрятал голову в песок, как страус.

Лиза не была знакома с его женой и не имела никакого желания с ней знакомиться. И никогда не спрашивала о ней у Никиты. Но все же какие-то сведения прорывались. Вскоре она поняла, что Никита не сам ушел, жена его просто вытурила. Тогда она возмущалась — как можно, человек и так в бедственном положении. Теперь же она думает, что все там было не так просто. И если бы она после второго приезда нашла в себе силы сказать твердое «нет», всем было бы только лучше. Ей не нужно было бы тащиться сюда по ужасной дороге, а Никите не перед кем было бы притворяться, и он уехал бы в город и занялся поисками работы. Но тогда, неделю назад, она дала слабину, внезапно накатили воспоминания о первых неделях и месяцах их знакомства.

Как он ей нравился! Как приятно было смотреть на него — красивого, раскованного, улыбающегося открытой улыбкой! Еще приятнее было проводить с ним время и слушать его умные речи. Говорить он умел, это точно.

Они познакомились на корпоративной вечеринке, их фирма тогда удачно сдала большой проект, и на корпоративе присутствовали сотрудники рекламного агентства, которое занималось продвижением проекта. Было много народу, Лиза хорошо знала едва ли половину, с некоторыми просто здоровалась.